

УДК 72.03 (470.22)

ВОСТОЧНО-ОБОНЕЖСКИЙ КОМПЛЕКС АРХИТЕКТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ДЕРЕВЯННОМ ЗОДЧЕСТВЕ КАРЕЛИИ

И. Е. Гришина

*НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества
Петрозаводского государственного университета*

Рассматривается распространение в границах Карелии трех элементов традиционного крестьянского жилища – столбовой конструкции двора-сарая в составе дома-комплекса, кронштейнов-модульонов и конструкции самцовой крыши с бесперерубным фронтоном. Ставится вопрос о путях проникновения указанных форм на территорию Карелии, о принадлежности их к единому восточно-обонежскому комплексу архитектурно-строительных традиций, о возможных истоках последнего. Выявляются зоны и результаты взаимодействия восточно-обонежского и западного, карельского, этноархитектурных комплексов.

Ключевые слова: деревянное зодчество, этноархитектурные традиции, жилище, дворы-сарай, крыши, декоративные детали, картографирование.

I. E. Grishina. EAST OBONEZHISKY COMPLEX OF ARCHITECTURAL TRADITIONS IN KARELIAN WOODEN ARCHITECTURE

The paper deals with the distribution of three elements of a common peasant dwelling in Karelia: 1) the pole-supported structure of a shed-yard as part of a dwelling-and-homestead complex; 2) modillion brackets; and 3) the structure of a gable roof with gables having no transverse supporting walls made of short logs. The ways of penetration of the above forms to Karelia, recognition of them as part of a common East Obonezhsky complex of architectural and building traditions, and a possible source of the complex are discussed. The zones of the East Obonezhsky and the western, Karelian, ethno-architectural complexes are delineated and the results of their interaction are assessed.

Key words: wooden architecture, ethno-architectural traditions, peasant dwelling, shed-yard, gable roof, decorative details, mapping.

Важнейшим фактором, определяющим специфику народного деревянного зодчества Карелии, является ее этнокультурная неоднородность, сформированная в ходе расселения по территории края и последующего контактирования вепсского, карельского и разных групп славянского населения.

В целом этноархитектурная картина Карелии, базирующаяся на доступном для исследо-

вания массовом материале по традиционным постройкам конца XIX – первой трети XX в., совпадает с укрупненным делением республики по языковым данным на карельский запад и русский восток. Целый ряд типологических признаков отличает западную и восточную архитектурно-строительные традиции. Среди них наиболее показательны различия в элементах декоративного убранства жилища, конструктивных

решениях крыш и дворов-сараяв в составе дома-комплекса.

Предпринятое нами картографирование указанных признаков с целью детализации их ареалов базируется на результатах натурных обследований деревянного зодчества Карелии и сопредельных районов Ленинградской, Архангельской и Вологодской областей в 1979–2009 гг. (с 1987 г. – с участием автора). Картографируемый материал распределен по исследуемой территории неравномерно. Менее всего он представлен в северной части Карелии, что связано с ускоренным развитием жилища в Поморье, где традиционные решения достаточно рано вышли из употребления, и с практически полной утратой зодчества северных карелов, известного лишь по немногим иконографическим источникам. По этой причине выводы по северной Карелии по отношению к южной части края являются в значительной степени гипотетическими.

Для картографического анализа материала использован метод построения круговых диаграмм, характеризующих процентное соотношение исследуемых признаков в границах волости (по волостному делению начала XX в.) – достаточно мелкой территориальной единицы, как правило, соответствующей исторически сложившимся локальным общностям, а значит, и локальным культурным традициям. Учет количественных характеристик территориального распределения признаков отвечает ключевому положению этноархитектуроведения о том, что эволюционные преобразования, так же как и изменения при переходе от одной историко-архитектурной зоны к другой, проявляются в народном деревянном зодчестве не в сплошной замене одних форм другими, а в постепенном изменении соотношения различных сосуществующих форм [Орфинский, 1975].

* * *

В комплексе декоративного убранства крестьянского жилища Карелии кронштейны – резные консольные выпуски бревен, поддерживающие вынос крыши над главным фасадом, – принадлежат к относительно ранним деталям, сопоставимым по возрасту с другими традиционными элементами «верхов» дома – коньками-охлупнями, курицами, потоками. Известно, что многие детали архитектурного декора в народном деревянном зодчестве изготавливались серийно на продажу в широкой округе (например, причелины или наличники). Но подкрышные кронштейны относятся к архитектурно-декоративным деталям, которые выполнялись во время рубки стен строителями дома,

поэтому в большинстве случаев кронштейны могут служить исключительно точным маркером местной традиции.

До настоящего времени степень сохранности резных кронштейнов в южной Карелии по сравнению с другими декоративными деталями остается самой высокой, что позволило составить базу для их картографирования, включающую 1738 деталей. Для картографирования были выбраны две характерные группы кронштейнов, которые объединяют абсолютно преобладающие в Карелии типы этих деталей. Одна из групп включила кронштейны с рельефной геометрически правильной резьбой с закономерным ритмом в расположении составляющих ее элементов различной формы (с так называемой мелкой порезкой), вторая – три типа деталей с объемной резьбой, представляющей какой-либо один крупный декоративный мотив, доминирующий в общей композиции (рис. 1).

Результаты картографирования показали, что кронштейны обеих групп соседствуют в сопоставимых пропорциях на всей исследуемой территории. Аномальным в этом плане выглядит только крайний юго-восток Карелии (Пудожский район), где невелика доля мелкой порезки кронштейнов, а среди их объемной резьбы господствует кронштейн-модульон – деталь с ведущим декоративным мотивом валика, расположенного на конце консоли, в общих чертах напоминающая известный элемент классицистической архитектуры. Судя по карте, деталь распространяется из Пудожья в северо-западном направлении, составляя меньшую, но заметную долю среди других типов кронштейнов в Заонежье, северо-восточном и западном Прионежье, Сегозерье, чуть меньше – на обрусевших территориях северного Прионежья, у пряжинских карелов и в Выгозерье.

В целом ареалы кронштейнов-модульонов совпадают с ареалами особого конструктивного устройства дворов-сараяв в составе домов-комплексов (рис. 2). В Карелии способ опирания верхнего уровня двора-сарая на нижний отличает дома-комплексы ливвиков, людиков и собственно карелов («сарай на срубе») от домов русского населения и северных людиков («сарай на столбах» полностью по периметру или в пределах озадка и даже только задней стены). Такой, казалось бы, второстепенный признак обладает устойчивой приуроченностью к определенным этническим ареалам, в силу того что он связан с разными принципами формирования домов-комплексов, относящимися к периоду их появления в XVII–XVIII вв., и отражает особенности этого процесса в русской и карельской среде [Орфинский, Гришина, 2001].

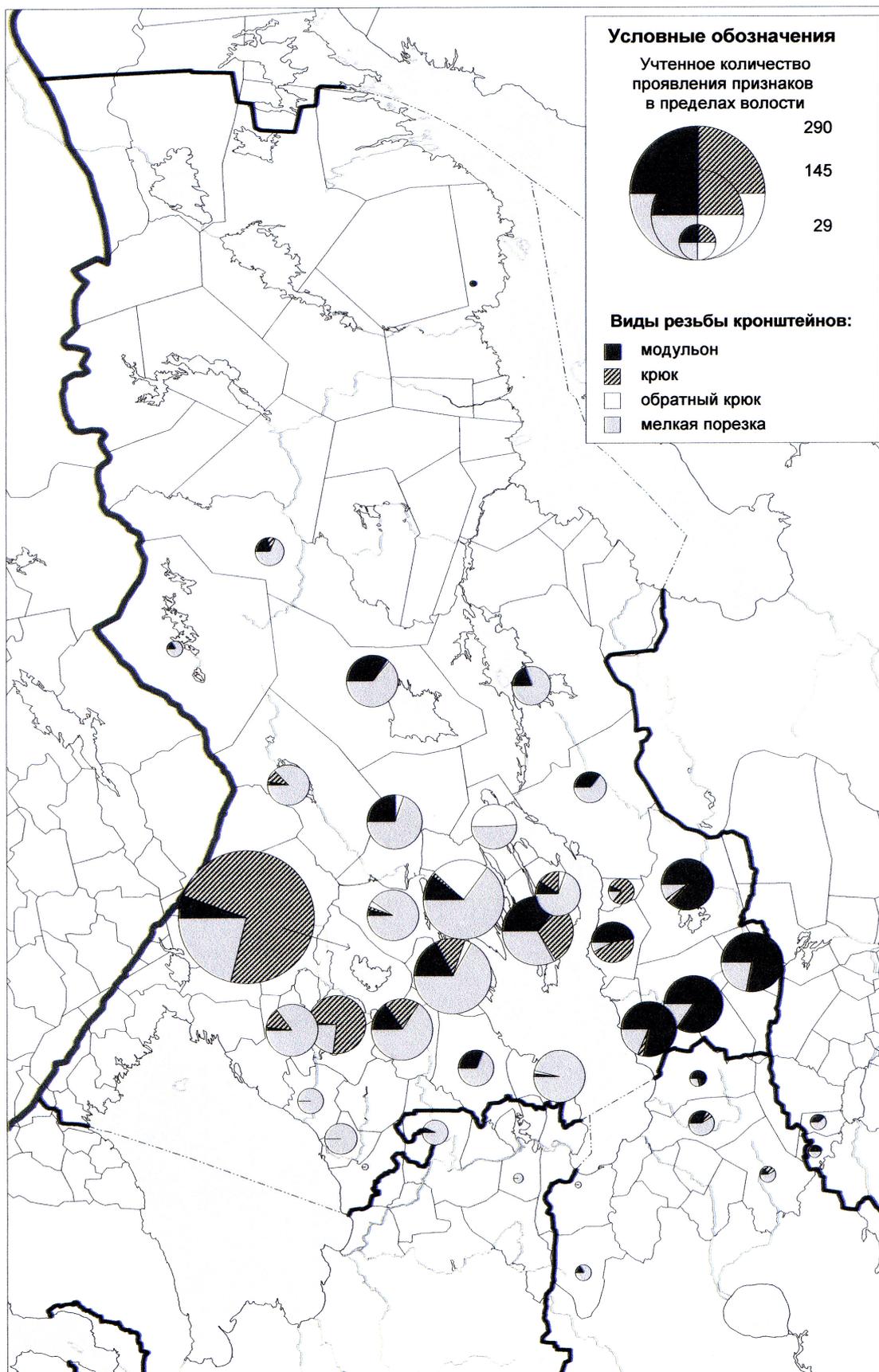

Рис. 1. Виды резьбы кронштейнов на территории Карелии: соотношение мотивов объемной резьбы и мелкой рельефной порезки

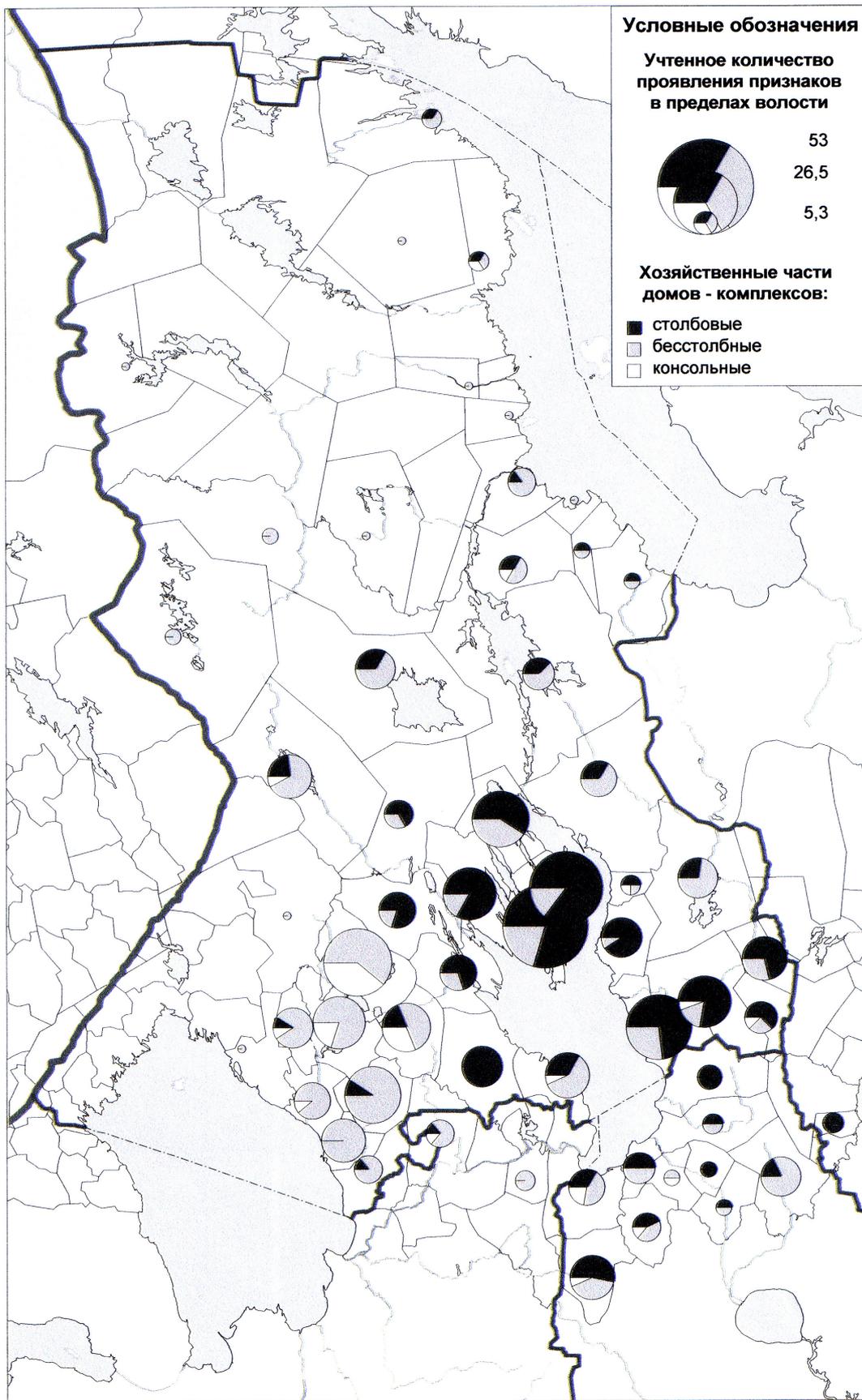

Рис. 2. Варианты конструктивных решений хозяйственных частей домов-комплексов на территории Карелии

Детальное картографирование конструктивных решений дворов-сараяв (база исследования – 649 построек) показывает, что столбовые решения двора-сарая действительно доминируют в Пудожье, Заонежье, у северных людиков, в бывшей Ладвинской волости. Но существенная доля столбовых озадков фиксируется и на собственно карельских территориях – в верховьях реки Суны и в Сегозерье. Что касается района Суны, то продвижение «языковой людизации» вверх по ее течению отмечал в свое время Д. В. Бубрих, сравнивая диалектные записи начала и середины XX в. [Бубрих, 1947]. По-видимому, вместе с языковой, а, похоже, и опережая ее, продвигалась вверх по течению и архитектурно-строительная «людизация» собственно карелов. Сегозерье же, как свидетельствуют комплексные историко-культурные исследования, испытывало значительное влияние Заонежья [Деревня Юккогуба, 2001], на что также указывает и рассматриваемый нами признак.

Севернее Пудожья, в восточной части Карелии, включая Водлозерье, Онежско-Беломорский водораздел и Поморье, сохраняется примерно такое же, как и в Сегозерье, соотношение между двумя различными конструкциями двора-сарая: столбовые решения уступают бесстолбным, но составляют от четверти до трети в суммарном количестве зафиксированных примеров. Лишь на юге Поморья столбовая конструкция уравнивается по процентному соотношению с бесстолбной.

По признаку конструктивного решения дворов-сараяв русско-поморская строительная культура может расцениваться как интегрированная русско-карельская. Как показало натурное обследование Поморья в 2004–2006 гг., сосуществование разных конструктивных вариантов двора-сарая наблюдается только в русских деревнях, а в карельских Нильмогубе, Нильмозере, Сонострове и Боярской все сохранившиеся хозяйственные части домов-комплексов представлены обычным и для других карельских территорий конструктивным вариантом «сарая на срубе» с пристроенными хлевами [Орфинский и др., 2007]. Если ориентироваться на этнодифференцирующий характер рассматриваемых признаков, то можно говорить о достаточной интенсивности русско-карельских контактов в период значительно более ранний, чем рубеж XIX–XX вв., когда осуществлялось последнее относительно массовое переселение карелов в отдельные деревни северного Поморья.

Столь же неоднородным и даже более пестрым по признаку конструктивного решения

дворов-сараяв выглядит южное Обонежье. Таким образом, пудожская зона преобладания «сараяв на столбах» представляется своеобразным коридором продвижения этого приема на территорию Карелии, направленного из Пудожья на северо-запад – в Заонежье и далее растворяющегося в карельских землях. Ситуация за юго-восточными границами современной Карелии подтверждает это предположение. Здесь в ряде бывших волостей Каргопольского и Вытегорского уездов распространение столбового решения двора-сарая достигает 100 процентов, а общая картина нарушается только за счет водораздельных поселений, расположенных на небольших притоках в верховьях реки Кемы (исаевские вепсы, Окштамский куст деревень).

По характеру картографирования пути проникновения «сараяв на столбах» можно связать с направлением верхневолжской колонизации, которое на подступах к Пудожью разделялось, огибая Андомскую возвышенность с северо-востока по системе древних водно-волоковых путей и с запада вдоль берега Онежского озера. По-видимому, по Онежскому озеру и Свири новое архитектурное решение продвинулось и в западное Прионежье, где более всего проявилось в бывшей Ладвинской волости.

В тех же направлениях распространялись в Карелии и описанные выше кронштейны-модульоны: их наибольшая концентрация отмечается в зонах, где преобладают или составляют заметную долю «сараяв на столбах». Это позволяет отнести оба явления к единому комплексу архитектурно-строительных традиций. Их движение по территории края свидетельствует о выраженном интересе карельских крестьян к заимствованию русских решений. Заметим только, что ареал кронштейнов-модульонов, проникающих на карельские земли, в северном направлении выходит за границы ареала «сараяв на столбах». В единичных примерах модульоны в обработке кронштейнов появляются даже в Аконлахти, Минозере, Хайколе. В данном случае это объяснимо: домовый декор – явление более молодое, а значит, и более изменчивое, чем решения частей построек, не считающихся престижными, но обладающих длительной укорененностью в традиции, тем более – связанных с этнической культурой по своему происхождению.

Третьим признаком, который отнесен нами к наиболее показательным для характеристики этноархитектурных традиций востока и запада Карелии, является конструктивное решение самцовой крыши (база картографирования – 728 построек). Конструкция такой крыши

хорошо читается на фасадах здания – на его бревенчатых фронтонах, которые представлены двумя большими группами – фронтонами без перерубов (с креплением бревен за счет нагелей и часто врубленных слег) и с перерубами (поперечными бревенчатыми стенками). Принимая во внимание, что конструкции жилой и хозяйственной части домов-комплексов эволюционируют несинхронно, для получения стадильно однородного среза по территории в состав базы для картографирования были включены только фронтоны лицевого фасада жилища.

Результаты картографирования не только подтвердили натурные наблюдения о распространении фронтонов без перерубов в восточной и с перерубами – в западной части Карелии, но и выявили варианты последнего решения, имеющие определенную локализацию (рис. 3). Судя по карте, бесперерубные фронтоны действительно характерны для восточной, русской, части края. Их ареалы и процентное представительство хорошо коррелируются с аналогичными показателями рассмотренных выше «сараев на столбах» и кронштейнов-модульонов в восточном Обонежье, Заонежье, Поморье.

Несколько неожиданным в этом отношении оказался стопроцентный показатель бесперерубных фронтонов у прионежских вепсов, поскольку кронштейны-модульоны у них встречаются как исключение, а «сарай на столбах» представлены только третьей частью от всех зафиксированных построек. Также обращает на себя внимание и большая однородность по этому признаку всего южного Обонежья. Последнее может свидетельствовать о том, что данная конструктивная система крыш на этой территории была более древней, чем столбовые дворы-сарай и кронштейны-модульоны, а скорее всего – когда-то общей для южного Обонежья и земель, лежащих к югу от него. Отсюда понятнее становится безальтернативное применение бесперерубных фронтонов в жилище вепсов Прионежья, по-видимому связанное с отмеченными по этнографическим данным длительно поддерживавшимися контактами северных со средними и южными вепсами [Винокурова, 2001].

Вторая территория, где в определенном противоречии находятся показатели рассматриваемых индикаторов восточно-обонежской архитектурной традиции, – это ареал собственно карелов (исключая Сегозерье). С одной стороны, в достаточно высокой степени распространения здесь бесперерубных фронтонов усматриваются культурные связи русско-

поморского и материкового карельского населения. С другой стороны, что особенно показательно в волостях, расположенных вдоль современной границы с Финляндией, проявляются черты общности с архитектурой традиционного финского жилища, для крыш которого были обычны фронтоны без перерубов [Колехмайнен, 1998]. В этой ситуации указать на различия и сферы влияния однотипных финских и поморских крыш в собственно карельском ареале возможно только при их детальном дальнейшем изучении совместно с другими конструктивными особенностями традиционных построек.

Фронтоны с двумя перерубами, скорее всего, производны от бесперерубных. Они характерны для территорий распространения последних и появляются в южном Обонежье, Заонежье и Пудожье в связи с устройством на чердаке жилого помещения (светёлки), хотя в карельских ареалах два переруба на фронтоне нередко только имитируют присутствие чердачной комнаты.

В совокупности крыши с бесперерубными и двухперерубными фронтонами преобладают в Карелии. Однако им противостоит альтернативное решение, происходящее, судя по карте, из ареала ливвиков, где безусловно доминирует. Его самый распространенный вариант представляет самцовую крышу, имеющую кроме слег, связывающих фронтоны, еще и бревенчатые подслеговые связи в комплексе с тремя фронтонными перерубами – коньковым и двумя фланкирующими. У тех же ливвиков помимо трехперерубного представлен редкий вариант пятиперерубного фронтона, а у них же и на западе собственно карельского ареала – фронтон только с одним, коньковым, перерубом.

Есть все основания связать такие решения со строительной деятельностью карельского населения и условно назвать их старокарельскими [Гришина, Ляля, 2007]. Косвенно это подтверждается совпадением ареала пятиперерубных фронтонов, которые можно рассматривать как своеобразную гипертрофию основного варианта, с территорией, служившей древнейшими «воротами» карельского заселения Ладожско-Онежского межозерья. По сведениям А. Ю. Жукова, именно в Тулмозерском, Видлицком и Коткозерском погостах (заметим, что только в зоне влияния этих поселений встречаются пятиперерубные фронтоны) в первую очередь оседали переселенцы из северо-западного Приладожья, что было весьма заметно уже к началу XV в. [Жуков, 2008].

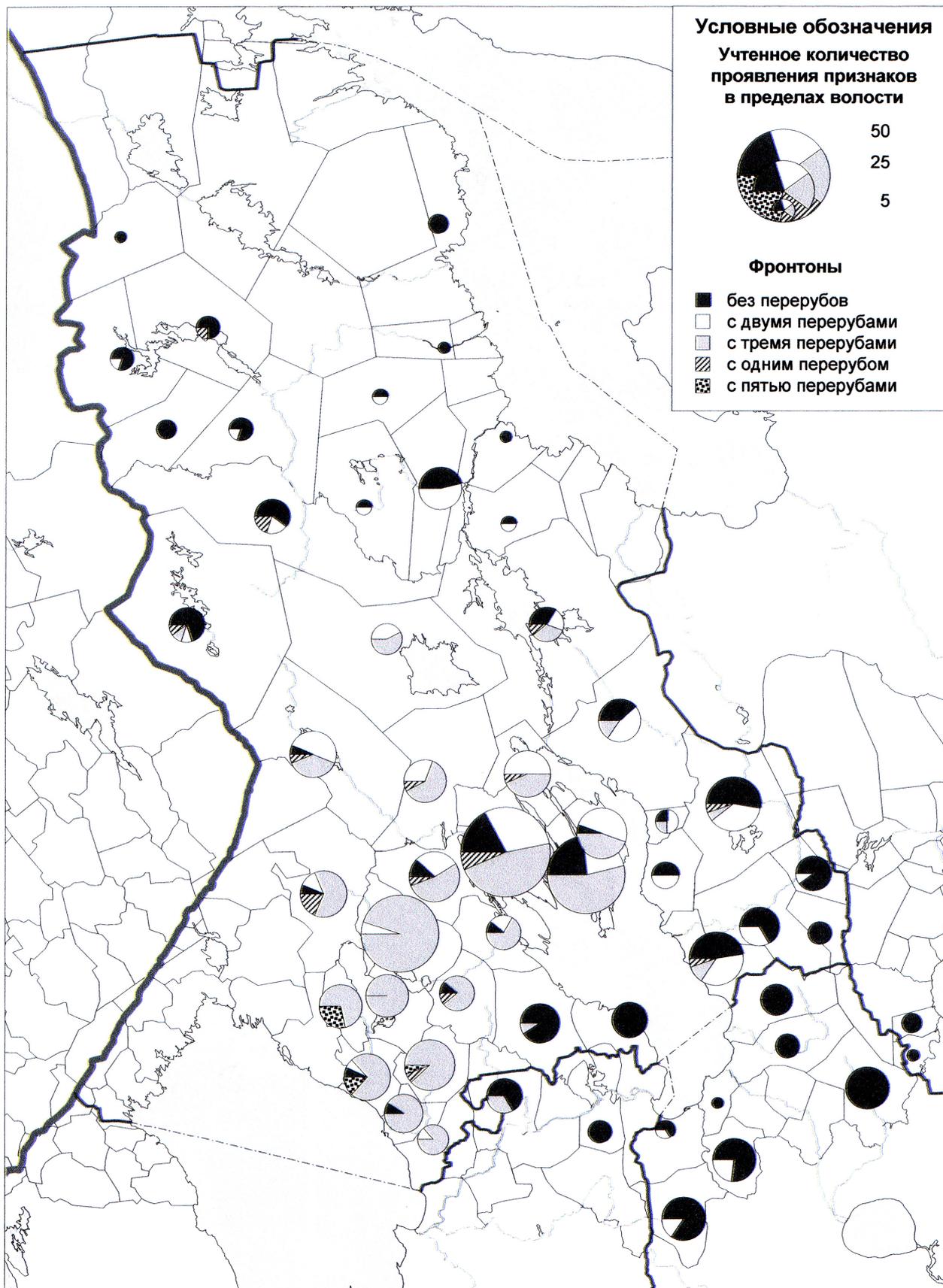

Рис. 3. Варианты конструктивных решений фронтонов жилой части дома на территории Карелии

Крыши с тремя конструктивными перерубами существенно потеснили восточно-обонежский тип покрытия в жилище Карелии. Известным карельским присутствием в Заонежье, а также поздними карельскими влияниями на заонежское зодчество со стороны ливвиков [Гришина, 1998] можно объяснить заметную долю трехперерубных фронтонов в Заонежье. Примечательно, что, судя по иконографическим источникам, в наиболее старых заонежских домах фронтоны не имели перерубов, что позволяет говорить о трехперерубных фронтонах как об относительно позднем явлении в Заонежье.

Трехперерубные фронтоны значительную долю составляют также у северных людигов, в Сегозерье и у собственно карелов в верховьях Суны. Решение с тремя перерубами проникает и в восточную часть Карелии: в Пудожье в этом, по-видимому, обнаруживаются связи с Заонежьем, на Онежско-Беломорском водоразделе – сказывается соседство с Сегозерьем и тем же Заонежьем.

Время и степень синхронности продвижения в Карелию трех рассмотренных комплексов этноархитектурных признаков должны служить предметом дополнительных самостоятельных исследований. Можно с уверенностью сказать только, что в более раннее время соотношения между «западными» и «восточными» архитектурно-строительными традициями на каждой локальной территории и их общие ареалы были другими. Примером сложности данной проблемы могут служить наши детальные исследования на Кенозере. Здесь, несмотря на соседство с Пудожьем, «сарай на срубе» и «сарай на столбах» в составе домов-комплексов находятся в соотношении 62 и 38 %, подобно Водлозерью, Выгозерью и Сегозерью. Но при этом зафиксировано, что на историческом отрезке, к которому принадлежат обследованные кенозерские дома, более ранним решением является столбовая конструкция двора-сарая. (Это подтверждается также описанием и чертежами дома Баженова 1820-х гг. в деревне Вершинино, сделанными в 1927 г. М. А. Ильиным [1928].) Старинное решение со столбами в обозримой ретроспекции заменяется «сараями на срубе». Такая замена свидетельствует о недостаточной укорененности столбовой конструкции в местной строительной культуре и о возможности того, что столбовая конструкция в определенный период времени вытеснила в Кенозерье ранее бытовавшие «сарай на срубе», которые затем вновь расширили свое присутствие в субрегионе (подобные элементы цикличности известны в развитии

деревянного зодчества Русского Севера [Орфинский, Гришина, 1999]). Вместе с тем среди всех датированных подписями кенозерских кронштейнов модульоны, сопутствующие, как показано на примере Карелии, «сараям на столбах», представляются на Кенозере достаточно поздними деталями, датировки на них относятся к 1920–1930-м гг., тогда как другие типы кронштейнов имеют более широкий интервал датировок, начинающийся с 1860-х гг.

Взаимодействие восточно-обонежского этноархитектурного комплекса традиций с западным, карельским, порождает на территории Карелии не только постепенные качественные, подобные описанному кенозерским, изменения ареалов, но и появление новых интегральных, или компромиссных, форм. Как правило, такие формы равномерно распределяются в зоне этноархитектурного контактирования. Примером может служить появление кронштейна с мотивом «валик в выкружке». Такой мотив главным образом появляется там, где сосуществуют кронштейн-модульон, акцентированный крупным валиком, и известный с конца XVII в., общий для южной Карелии и сопредельных юго-восточных земель мотив мелкой порезки кронштейнов с чередованием мелких валиков и треугольных зубцов (рис. 4). Еще один пример – консольный озадок двора-сарая (консольное вывешивание задней стены сарая над стеной двора). Судя по карте (см. рис. 1), такие решения в небольшом количестве появляются везде, где соседствуют «сарай на столбах» и «сарай на срубе».

Особый интерес вызывают островные ареалы доминирования интегральных архитектурных форм. Применительно к кронштейнам с мотивом «валик в выкружке» таким ареалом является территория расселения прионежских вепсов (см. рис. 4). Уникальным в отношении продуктивности архитектурных новаций выглядит Сямозерье. Здесь консольные озадки двора-сарая полностью вытеснили стимулировавшую их появление столбовую конструкцию двора-сарая и почти уравнились по процентному соотношению с бесстолбными «сараями на срубе» (см. рис. 1). Сходным образом проявили себя в Сямозерье и кронштейны-модульоны, которые стали импульсом для формирования здесь кронштейнов с обработкой в виде крюка. Известный в собственно карельском ареале в единичных примерах мотив крюка получил в Сямозерье необычайное пластическое совершенство и стал ведущим в декоративной обработке кронштейнов (см. рис. 2).

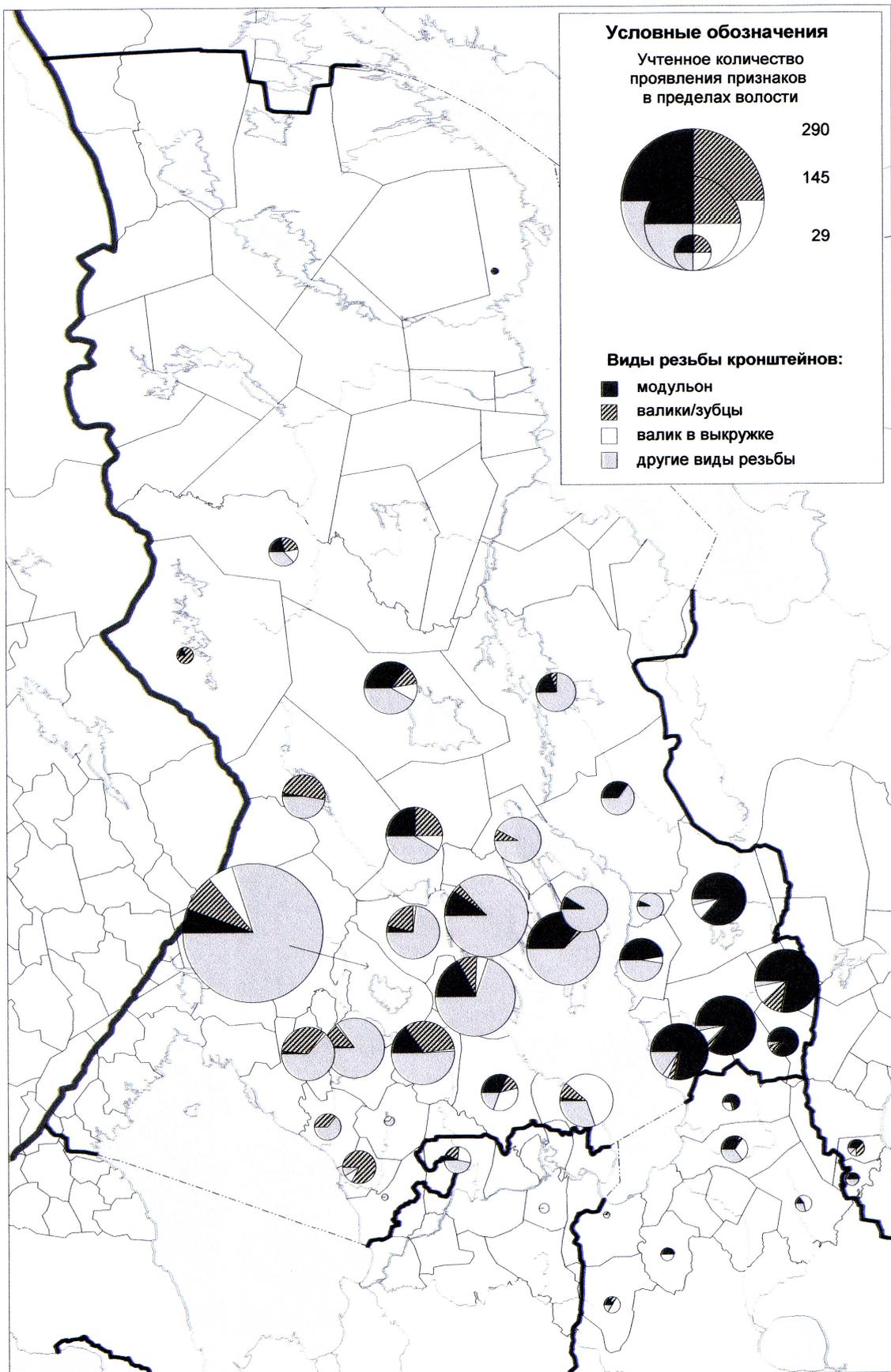

Рис. 4. Виды резьбы кронштейнов на территории Карелии: мотив резьбы «валик в выкружке» и его соотношение с исходными мотивами модульона и валиков/зубцов

Следует отметить, что представленная в статье тема требует дальнейшего развития в отношении способов представления картографируемой информации, расширения границ исследования за пределы Карелии, подключения более широкого перечня архитектурно-типологических признаков. Перспективными для картографирования и в целом территориально соответствующими восточно-обонежскому этноархитектурному комплексу в Карелии представляются стеновые дымоволоки черных бань, южно-восточно-русская планировка бань и риг, северно-среднерусская постройка печи в избе, дворовых (черных) сеней в домах-комплексах.

Автор выражает глубокую признательность Е. В. Ляля за помощь в оформлении карт.

Литература

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Винокурова И. Ю. Прионежье: этническая история ареала // Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны / Ред. А. С. Герд, Г. С. Лебедев. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 310–324.

Гришина И. Е. Резные кронштейны в деревянном зодчестве южной Карелии: вопросы генезиса и этнических особенностей // Народное зодчество. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. С. 115–129.

Гришина И. Е., Ляля Е. В. Научный потенциал массовых обследований архитектурного наследия // Народное зодчество. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. С. 487–506.

Деревня Юккогуба и ее округа / И. Е. Гришина, П. М. Зайков, В. П. Ершов и др. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. 432 с.

Жуков А. Ю. Сямозерье в XIV–XVII веках // История и культура Сямозерья. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. С. 41–106.

Ильин М. А. Крестьянская изба Кенозера // Институт археологии и искусствознания. Труды секции археологии. IV. М.: РАНИОН, 1928. С. 241–256.

Колехмайнен А. Традиционное деревянное жилище Финляндии и его вероятная эволюция // Народное зодчество. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. С. 167–171.

Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Генезис, эволюция, национальные особенности: Дис. ... докт. архитектуры. М., 1975.

Орфинский В. П., Гришина И. Е. Элементы цикличности в развитии народного деревянного зодчества // Народное зодчество. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. С. 23–37.

Орфинский В. П., Гришина И. Е. Генезис дома двора в крестьянском зодчестве Карелии // Архитектурное наследие. № 44. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 63–80.

Орфинский В. П., Гришина И. Е., Борисов А. Ю. и др. Зодчество Карельского Поморья: незабытое наследие // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск: Острова, 2007. С. 152–173.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Гришина Ирина Евгеньевна

зам. директора НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества
Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: niinaz@karelia.ru
тел.: (8142) 719638, 767093; 8-921-4553523

Grishina, Irina

Petrozavodsk State University
33 Lenin Av., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: niinaz@karelia.ru
tel.: (8142) 719638, 767093; 8-921-4553523